

ЦВЕТ КАК ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ТОЛЕРАНТНОСТИ (ПРОБЛЕМА ТОЛЕРАНТНОСТИ В АСПЕКТЕ ЦВЕТОВОСПРИЯТИЯ)

Величко А.А.¹

¹ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет», Ставрополь, Россия (355009, г. Ставрополь, ул. Пушкина 1/А (корпус 1), e-mail: alesya_velichko@mail.ru

В данном исследовании обсуждаются проблемы цвето- и свето-восприятия в рамках речепорождения в гармонизированной коммуникации. Анализируются различные способы цвето-световой номинации как важного компонента этнокультуры с точки зрения принятия общего культурного фона другой лингвокультурной общностью, устанавливаются функциональные особенности, концептуальная значимость и участие в гармонизации межкультурного общения и принятия инокультурного мировидения. При изучении семантики цветообозначений обращается внимание на литературную традицию и духовный потенциал концептуальных цветообозначений в английской и русской лингвокультурах. Рассматривается оппозиция «свет – тьма» с точки зрения толерантного отношения в оппозиции «свой – чужой» как в горизонтальном контексте литературного произведения, так и в вертикальном контексте культурно-исторического развития конкретного языкового сообщества. Количественная и семантическая ограниченность колористической системы сравниваемых лингвокультур обусловлена присущим им характером фиксации действительности и понимания гармоничной коммуникации.

Ключевые слова и фразы: интерпретация, толерантность, цветообозначение, этнокультурный компонент, концептуализация понятия, вербализация культуры.

COLOUR AS THE ESSENTIAL PART OF ETHNIC AND CULTURAL ASPECT OF TOLERANCE (TOLERANCE OF THE POINT OF VIEW OF COLOUR PERCEPTION)

Velichko A.A.¹

¹North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russia (355009, Stavropol, Pushkina st. 1/A (building1), e-mail: alesya_velichko@mail.ru

The problem of colour perception with reference to the speech producing in the frames of harmonized communication are viewed in the article. Different ways of colour and light nomination as the basic component of ethnic and culture of the point of view of cultural perception by foreign linguoculture are being analyzed, functional peculiarities, conceptual significancy and the role in the process of harmonization in multicultural discussion and the acceptance of foreign cultural understanding are stated. Semantic study of colour perception is based on literary tradition and mental potential of conceptual colour perception in English and Russian linguocultures. The opposition “light - darkness” from the point of view of tolerant relation to “one’s own - the others” both in horizontal context of the literary work and vertical context of cultural and historic development of the particular linguistic community are considered. Quantitative and semantic limit of the colour system in compared linguocultures are determined by the fixing character reality and harmonic communication understanding.

Keywords: interpretation, tolerance, colour perception, ethnic and cultural component, meaning conceptualization, culture verbalization.

Цветообозначения являются для каждой лингвокультуры важной составляющей этнокультурной специфики категории толерантности, при этом вербальная реализация оппозиции «свет – тьма» как некоей эвфемистичной замены оппозиции «свой – чужой» играет одну из ведущих ролей в эстетике гармонизации коммуникативного акта, как в англосаксонской, так и в русской лингвокультуре. В семантике цветообозначений в сравниваемых культурных традициях уже более тысячи лет, наслаиваясь на мифологическую, древнюю составляющую, доминирует христианский аспект восприятия цветовой системы.

«Цветобозначения являют собой некую компактную и достаточно строго очерченную (если не брать во внимание метафорического переноса и других возможностей иносказательного описания) лексическую группу, которая отражает как объективную цветовую гамму, так и её доминантное восприятие в лингвокультурном сообществе, или же субъективное авторское восприятие. Общее для всех физическое восприятие цвета в разных лингвокультурах находит собственное отражение» [2]. Обращение к произведениям английской литературы, начиная с первых памятников и заканчивая современными авторами, позволяет выявить некоторые семантические традиции освоения толерантности в корреляции с цветобозначением. Актуальность данного исследования обусловлена, прежде всего, тем фактом, что литературные произведения, которые являются образцом оцелкультурных концептуальных систем в сравниваемых лингвокультурах, служат некими структурными моделями для построения этнокультурной составляющей толерантного межкультурного общения.

Цветобозначение всегда наделено символическим потенциалом, вербальный аспект цвета сам по себе в произведениях поэтического и прозаического искусства превращается в результате концептуализации в символ, что происходит, однако, при соблюдении некоторых условий соответствующего типа рецепции в конкретном лингвокультурном сообществе. «Безусловно, что не всякий концепт является структурной схемой значения лексемы. Многие концепты вербализируются только в сложных синтаксических выражениях или вообще не вербализируются. Это также значит, что не для каждой категории существует вербальное обозначение, иногда они понимаются имманентно на уровне нозматической рефлексии, не воспринимаясь, а как бы намекая на себя» [1, с. 183]. В настоящее время этноспецифическое толкование символики цветобозначений базируется на исследованиях психических и психолингвистических, однако учет вертикального контекста в виде мифотворческих, религиозных и культурных факторов, дополняемых анализом константы общекультурных фоновых знаний является, обязательным для детального описания цветосемантики в аспекте толерантности. Константы субъективного восприятия и вариативность этнокультурных символических смыслов выражаются в полисемантизме вербализаторов цветобозначения. «В основу номинации цвета положено множество принципов денотативного именованья, основной из них – это прагматическая доминанта в различении того или иного цвета, или же ядра/периферии цветового/светового поля, а также частота и наличие того или иного участка спектра в объективной реальности» [2].

Оценивая наличие этнокультурной составляющей в семантике цветобозначения как одного из эффективных способов вербализации толерантного начала в коммуникативном акте, исследователи придерживаются двух противоположных точек зрения – доминирование

христианского начала в выражении толерантного отношения к «чужому», «темному» и противоположное – мифологическое, фольклорное начало восприятия символичности оппозиции «света и тьмы». Но нам более уместным представляется сочетание языческих и христианских мотивов и идеологии в языковой репрезентации этноспецифического начала.

Дохристианская традиция оказала существенное влияние на восприятие понятия о толерантности в сравниваемых лингвокультурах, причем древнее восприятие цвето-световой гаммы имеет общие корни в сходных племенных верованиях как англо-саксов, так и славян – вне зависимости от различного пантеона (по крайней мере, мифологического ономастикона) общие мотивы одинаково рассматривают функциональную специфику тех или иных событий реальной действительности. В этом убеждают корреляции семантических связей лексем цветообозначения в кеннингах и перефразированных эвфемизмах, например *hvíti áss* «белый асс»:

Heimdallr heitir einn, hann er kallaðr hvíti áss, hann er mikill ok heilagr. (Heimdallargaldr)

Хеймдалль – сын Одина, белый асс, он велик и священен. (Заклинание Хеймдалля)

В данном примере лексемы *hvíti* и *heilagr* показывают, что в белом цвете уже в древний период развития германских языков усматриваются узловые компоненты приятия и эмпатии, даже само слово *heilagr* «священный» этимологически сводится к понятию *heil* «свет», сохранившееся во всех германских языках (нем. *hell, heilig*).

В славянских лингвокультурах лексема «красота» безусловно связана с понятиями «огонь», «свет» и этимологически восходит к корню «крес» что собственно сохраняется в современном русском языке в лексемах «высекать» (огонь), «воскресать» [4, с. 111-113]. Данный факт связан в мифологии с солнечным светом, принимающим и обволакивающим все под ним – ключевое начало для поля толерантности – все, что воспринимает взор при свете, принимает человек в своем мировидении. Часть мира «воспринимаемого» называется СВЕТОМ или же DAY – как вся жизнь человека.

В обеих лингвокультурных традициях адъективные обозначения «светлого» в символике, как правило, употребляется в отношении чего-либо прекрасного, возвышенного и величественного, того, что принимается всеми членами языкового сообщества:

англ. *white* – *белый цвет; белизна; чистота; непорочность.*

англ. *light* – *светило; светоч.*

А сочетание свето-цветовых обозначений предстает как высшая степень приятия в аспекте антропологической деятельности, например: англ. *white light* – *объективное освещение (событий).*

Светлые и теплые тона в качестве интенсификаторов гармонизации коммуникации обладают в сравниваемых лингвокультурах способностью управлять жизнью человека,

прагматически влиять на него, вызывая в восприятии лучшие чувства, настраивать на нужный лад. Световые предсказания в древних лингвокультурах играют важнейшую роль во всех аспектах человеческой жизни (затмения и радуга, лунная дорожка и блеск драгоценных камней). В этом плане «целесообразным представляется выделение ассоциативного поля, или ассоциативно-семантического поля, которое формирует логико-понятийный образ, например, концепт» [5, с. 65], для придания наибольшей важности какому-либо цветообозначению в рамках когнитивно-валерной системы лингвокультурного сообщества в целом.

В оппозиции свету и теплым тонам стоит тьма, которая несет в сравниваемых лингвокультурах негативную окраску неприятия, противопоставления всему МИРУ как СВЕТУ – вызывает страх, является символом горя, угрозы и наказания, разрушая гармоничные коммуникативные акты и рождая компоненты нетерпимости в межкультурном общении. С данными оттенками соотносится все потустороннее и неприемлемое для человека, например:

англ. *dark* – *темнота; тьма; ночь; тень; неведение; невежество; нечистый; мрачный; угрюмый; печальный; безнадежный; неясный; непонятный.*

англ. *black* – *чёрный; тёмный; грязный (о руках, белье); мрачный; унылый; безнадежный; зловещий; злой; сердитый; дурной.*

То же можно отнести и к холодным тонам «синий», «зеленый» и т. д., которые в своих метафорических и ассоциативных значениях репрезентируют глубинное содержание неприемлемого в лингвокультурном сообществе:

англ. *blue* – *синий; синь; хандра; вульгарный; двусмысленный; печальный; непристойная шутка; оскорбительный; пошлый;*

англ. *to green* – *обманывать; мистифицировать; дурить; разыгрывать.*

англ. *green* – *бледный; болезненный; алчный; жадный; завистливый; незаживающий (о ране); нездоровый;*

Хотя, как мы и упоминали выше, многозначность и некоторая амбивалентность в рамках исторического формирования системы свето- и цвето-номинации предлагают реципиенту богатую палитру компонентов гармонизации и приемлемости того или иного семантического компонента при использовании данных цветообозначений в рамках коммуникативного акта, например:

англ. *green* – *молодость; сила.*

Достаточно часто отмечается, что как англо-саксонская, так и славянская лингвокультура признают корреляцию белого и черного цвета как света и тьмы, но в силу многомерности символических единиц, в различных литературных произведениях

встречается множество эстетически и этически маркированных словосочетаний, вербализирующих, казалось бы, отличные от базового ядерного компонента в поле толерантности периферийные компоненты смысла, как это наблюдается в примере, реализующем глубинное содержание важности и главенства чего-либо: англ. *black* – *авансцена*, или же поощрительное, полное признания: *black belt* – *профи, дока, специалист, ас*.

В славянской лингвокультуре межкультурная толерантность тоже проявляется в некоторых древних летописных текстах, например, в словосочетании «черное молоко» – кумыс как знак одобрения и проявления толерантного отношения к культуре, как со стороны славян, так и со стороны татар, во время ига: «Пьешь ты черное молоко, наше питье, кобылий кумыс? – До сих пор я не пил. А сейчас ты велишь – я пью. – Ты уже наш же. Пей наше питье» [3, с. 253]. Но и другие обертона различимы в данном отрывке, ведь это не только приятие и терпимость, но и обозначение чужого, отличного от собственной концептуально-валерной системы славянской лингвокультуры, здесь и проявляется цветовая дифференциация и выход на древнейшую оппозицию «свой – чужой». Но несмотря на это, ономастические колоративы могут не нести никакой эстетической или эмоциональной компоненты, лишь подчеркивая некоторые характерные признаки того или иного географического объекта, народа, человека и т.п. В этом случае этноспецифическая составляющая семантики проявляет себя лишь в когнитивном аспекте, но не может трактоваться как составляющая поля толерантности или неприятия, как, например, славянское название племен Дешт-и-Кыпчак – половцы. Здесь прослеживаются только семантико-ассоциативные характеристики цвета кожи от «полова» – отбросы, мякина. Примерно ту же ситуацию мы наблюдаем в случае с английским *black* как вербализацией вполне приемлемого именованья чернокожих, в отличие от заимствованных *nigger, sambo*.

Целый ряд цветообозначений, имеющих частотное употребление в повседневной коммуникации, несут глубинное денотативное значение: *cherry-colo, magenta, citrine*, как и их русские эквиваленты: *вишневый, малиновый, лимонный* и т.п.. Следует отметить, что восприятие данных вербализаторов цвета связано с универсальной, как в случае с *cherry-colo, citrine, вишневый, лимонный*, так и с этнокультурной спецификой восприятия определенных предметов окружающей действительности: *magenta, малиновый*. Подобные цветообозначения могут нести кроме этноспецифической компоненты смысла некий подтекст поля гармоничности/конфликтности только при задействовании ближайшего горизонтального контекста и введении субъективного авторского начала.

Другие же предметно-денотативные именованья цвета, такие как *золотой* и *серебряный, gold, silver*, отягощены глубинным общечеловеческим символизмом, а потому

вполне входят в ассоциативное поле, очерчиваемое ядерным компонентом толерантности, но ввиду задействования в них большей частью глубинных антропологических смыслов, этнокультурный компонент в них нивелируется. Это легко проследить в различных фразеологических единствах:

Слово – серебро, а молчание – золото!

Talk is silver, silence is golden.

Большинство рассмотренных нами случаев использования «цветописи» демонстрируют достаточно обширный ряд языковых средств вербализации этнокультурной составляющей толерантности/неприятия, что свидетельствует о глубоко разработанной, с определенными обертонами смыслов, иерархической системе. Практически неограниченные возможности количественной и семантической ассоциации в образах колористической системы, её метафорическая и метонимическая многозначность обуславливается особым характером фиксации действительности в рамках этой системы. Роль данных единиц в раскрытии семантики конфликтогенного или гармонизирующего начала видится нам чрезвычайно важной.

Несмотря на тот факт, что цвето-световая палитра имеет в речи большей частью прикладное значение, как в древних, так и в современных текстах этнокультурные и универсальные компоненты ассоциативного поля толерантности представлены достаточно широко. Необходимость применения семантического и этимолого-культурологического анализа лексических единиц с компонентой цветообозначения для их распознавания – одна из актуальных проблем психолингвистики, а сочетание её с современными исследованиями в области межкультурной коммуникации обогащает новыми нюансами компаративный анализ подобных вербализаторов.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФНФ. «Толерантность как компетентностная составляющая коммуникативно гибкой языковой личности в условиях поликультурного Северо-Кавказского региона», проект № 15-04-00126

Список литературы

1. Бредихин С.Н. Элементы смысла и когниция – на пути к значению // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. – 2014. - № 1. – С. 182-187.
2. Величко А.А. Семантика цветообозначения в текстах древнегерманского героического эпоса // Современные проблемы науки и образования. – 2015. - № 1; URL: www.science-education.ru/121-17238 (дата обращения: 07.05.2015).

3. Галицко-Волынская летопись. / Перевод на современный русский язык и комментарий О. П. Лихачевой // Библиотека литературы Древней Руси: В 20 т. – Т. 5. – СПб., 1997. – С. 184-357, 482-515.
4. Кузмичев И. Лада, или повесть о том, как родилась идея прекрасного и откуда Русская красота стала есть. (Эстетика Киевской Руси). – М.: Молодая гвардия, 1990. – 302 с.
5. Серебрякова С.В., Сидельникова Е.А. Коммуникативная обусловленность вербализации концепта «кризис» в экономическом дискурсе // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. – 2012. - № 3. – С. 64-69.
6. Серов Н. Эстетика цвета. Методологические аспекты хроматизма / Н.Серов. – СПб.: ФПБ – ТОО «БИОНТ», 1997. – 64 с.

Рецензенты:

Серебрякова С.В., д.фил.н., профессор, заведующая кафедры теории и практики перевода Гуманитарного института ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет», г. Ставрополь;

Гусаренко С.В., д.фил.н., профессор, декан факультета филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Гуманитарного института ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет», г. Ставрополь.